

Ольга Рубинчик
Юлия Марковна Живова
(05.11.1925, Москва — 31.03.2010, Москва)

Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

Анна Ахматова

Умерла Юлия Марковна Живова. И возникло чувство, что с ее смертью и со смертью Ники Николаевны Глен (1928 — 2005) от берега отчалила льдина, которая называется XX век. Она уплывает все дальше, и нам надо понять, где мы сами: остались на ней или стоим на берегу. Примерно так сказал один из участников похорон Юлии Марковны — Р. Д. Тименчик.

Юлия Марковна была в родстве, свойстве, знакомстве чуть ли не с половиной творческой Москвы, но в те годы, когда я ее знала (последние лет пятнадцать), она была вне многолюдства, в том состоянии внутренней тишины, которое дается только одиночеством. Жила одна, аскетично, среди книг, голосов ушедших, пластинок с классической музыкой. Выбиралась иногда на концерты, вечера, но нечасто. Вот и на похоронах было немного людей: родные и немногие друзья. Но присутствовавшие понимали, что Юлия Марковна и не хотела бы пышных похорон. А вот такие, с отпеванием в реставрируемой, пустой церкви Андреевского монастыря, с поминками в той комнате, где она полтора года пролежала, с будущим переселением к мужу в тихое Переделкино, по-

жалуй, одобрила бы. Отпевавший Юлию Марковну отец Александр (Троицкий) — ее духовник, который и крестил ее в том же храме три года назад, сказал: «Поблагодарим Господа за то, что мы знали такого прекрасного, благородного человека». И отметил необычный для похорон день — Великую субботу. Умершая Юлия Марковна потемневшим, узким лицом была похожа на цариц древности. Она по-прежнему была красива, хотя и другой, не похожей на прежнюю, красотой.

Она была красива всегда. В детстве, когда училась в знаменитой московской школе № 25 — «советском подобии Царскосельского лицея»¹. Там учились дети партийной элиты, в том числе, Светлана Сталина, с которой Юля была в одном классе (а Ника Глен — со Светланой Молотовой). Юля оказалась в этой школе благодаря отцу, Марку Семеновичу Живову, в то время сотруднику «Известий». За месяц до смерти Юлия Марковна вспоминала школу в телефонном разговоре. Я рассказала ей, как мою восьмилетнюю дочку (мы живем в Петербурге) водила по дому Пушкина (Мойка, 12) замечательная М. В. Бокариус. И Юлия Марковна сво-

¹ Осипов С. Сталинский лицей // Аргументы и факты. № 4. 25 января 2006.

им слабым голосом сказала: «Это раннее прикосновение к Пушкину так хорошо... Вижу Настеньку... У меня тоже было. У нас ведь школа была поразительная. И к 100-летию со дня смерти делали программу по Пушкину — Толстая с радио. И я была — Татьяна. Не знаю, как выбрали еврейскую девочку. Я читала немного: „Итак, она звалась Татьяной...“ Но это осталось. В школе висела фотография. Мне прочили будущее Ермоловой. А мне было 11 лет. Этим прикосновение к театральной жизни и закончилось». — «А жаль». — «Ничуть не жаль. Но, видно, тогда взрослых удивило, как я это *изнутри* прочувствовала... Вот, рассказала. Никому не рассказывала». Казалась бы, не слишком значительный эпизод, но я тогда же его записала — наверно, потому, что когда человек уходит, каждое его слово кажется важным.

Заканчивала Юлия Марковна школу уже в эвакуации, в Ташкенте. Там же поступила в вуз. А вернувшись в Москву, перевелась на филфак МГУ. Г. С. Померанц, встречавший Юлию Марковну в ее студенческие годы, на вопрос, помнит ли он ее, ответил: «Помню эту очень красивую девочку...

Она входила в круг учениц Пинского, но была из них, вероятно, самая самостоятельная. Остальные прилипали к нему, а она потом отделилась, стала сама по себе. Она была сильная. В ней чувствовались ум и характер, индивидуальность».

Затем «царица Савская», как называла Юлию Марковну Ахматова, пришла работать в издательство «Художественная литература» (Гослитиздат) и осталась там на всю жизнь. «... Редакция стран Восточной Европы в „Худлите“ это была совершенно особая вещь, — вспоминает Б. В. Дубин. — Там собрались люди, которые сами ходили по грани: там была, скажем, Ника Глен, одна из ближайших подруг Ахматовой и хранильница части ее архива, там была Юлия Марковна Живова, с которой мы в основном по польской части и работали. Хорошо, что была сравнительно вегетарианская эпоха, а то бы этим людям греметь самым дальним этапом. Тем не менее, они там собрались. В меру возможностей они пытались, опираясь на редакционный совет, где тоже была часть

вполне нормальных людей, пробовать что-то продвигать, оставив это таким образом, чтобы это стало хотя бы условно проходным»².

О том же говорит Н. Ю. Ванханен: «Редакция отличалась независимым, свободолюбивым нравом, умела отстаивать хороших авторов. В ней работали высокопрофессиональные редакторы и смелые люди: Ольга Кутасова (Югославия), Стелла Тонконогова (Польша), Юлия Живова (Польша), Ирина Иванова (Чехословакия), Ника Глен (Болгария), Наталья Подольская (Польша). И — Елена Малыхина (Венгрия) <...> В качестве переводчиков привлекались лучшие поэты. Здесь получала переводы опальная, лишенная возможности публиковаться Анна Ахматова. Здесь давали работу отлученному от всех издательств Юлию Даниэлю, печатавшемуся под псевдонимом Ю. Петров. Здесь переводили Иосиф Бродский, Борис Слуцкий, Николай Глазков, Давид Самойлов, Владимир Корнилов, Юрий Левитанский, Анатолий Гелекул, Анатолий Найман. Надо ли говорить, что переводчик, которому предлагали поработать рядом с мастерами, чувствовал себя польщенным. И, конечно, очень старался. Дают подстрочник — значит, доверяют!»³

Юлия Марковна — сама переводчица, специалистка по польской литературе, нежно любившая свой предмет — прежде всего вспоминается в литературных кругах как редактор: «Хороших редакторов куда меньше, чем переводчиков. По крайней мере, в Москве. И они — на вес золота. Когда я только начинал переводить, то небезболезненно реагировал на чужое вмешательство в текст, но чем дальше, тем больше понимаешь необходимость чужого — и заинтересованного, пристрастного — взгляда на сделанную работу. Думаю, один из идеальных редакторов, вошедших в историю литературы, — Юлия Марковна Живова. Она рассказывала, как рабо-

² Борис Дубин о временах Борхеса и начала социологии (беседа с Л. Борусьяк) // www.polit.ru/analytics/2009/10/25/dubin1.html

³ «Влюбленный рассказ о подлиннике»: Слово переводчикам стихов Шандора Каянди // Иностранная литература. 2005. № 6.

тала с Лилей Лунгиной над „Пеной дней“. Работа редактора должна быть незаметна»⁴;

«Я участвовала в переводе знаменитой „Трилогии“ Сенкевича. <...> Мне было нелегко хотя бы из-за отсутствия опыта работы с классикой. А тут еще проблема „двойной“ стилизации. Сенкевич убегал на два века назад, оставаясь при этом в своем времени, а я должна была перенестись разом и в середину XVII века, и в конец XVIII-го. То есть соблюсти стилистику и автора, и описываемой им эпохи, ни в коем случае не перегибая палку, удерживаясь от излишней архаизации, что было бы эффективнее и проще, но не соответствовало замыслу писателя. Очень было трудно балансировать на грани. Я не сразу нашла нужный тон, но на каком-то этапе мне помогла редактор „Художественной литературы“ Юлия Марковна Живова, за что я ей очень признательна. Она не предлагала мне никаких вариантов — только подчеркивала места, которые ей не нравились. Таких мест было довольно много, а отсутствие предложений заставляло изо всех сил напрягаться. Видя на полях галочку, я понимала: тут я с вышеупомянутой грани соскользнула. В моем случае такая манера редактирования оказалась очень эффективной»⁵.

Литературные занятия не были для Юлии Марковны лишь работой. Литература была жизнью. Жизнь должна была идти вровень с ней — и это Юлии Марковне удавалось. И потому так органичны были человеческие отношения внутри литературного круга: с Эммануилом Казакевичем, с Арсением Тарковским, с Надеждой Мандельштам, с Давидом Самойловым и многими другими. Возможно, были близкие люди, которым она рассказывала об этих человеческих связях, но общеизвестно ее свойство молчать о них. Она могла

⁴ Калашникова Е. «Благодаря переводу начинаешь ценить более тонкие и глубокие вещи»: Интервью с Антоном Нестеровым // <http://www.litkarta.ru/dossier/kalashnikova-nesterov-interview/>

⁵ «Я долго работаю над текстом»: Интервью с переводчиком с польского Ксенией Старосельской // Русский журнал. 24 августа 2001. <http://old.russ.ru/krug/20010824.html>

мельком упомянуть, что у нее лежит много писем Тарковского, очень теплых, — и это все.

Однажды сказала также, что хранит много писем Иосифа Бродского. На вопрос, почему она не напишет воспоминания о нем, ответила, что это должны сделать действительно близкие люди.

Еще фраза о Бродском: «Это был нормальный гений, — и, после паузы, — С ним было так хорошо разговаривать ночью на кухне...»

И ни слова о том, что она принимала участие в освобождении Бродского. Вот свидетельства Л. К. Чуковской:

«Фрида [Вигдорова] выложила в столовой на круглый стол свои записи: штук десять маленьких тетрадочек <...> Теперь, сегодня, запись уже не в тетрадках... Ночами переписали ее Ника и Юля, без усталости переписывают еще и еще...»;

«Бродский... Освобожденный Бродский. Он приехал в Москву раньше, чем в Ленинград. <...> Зашла за ним Юля. (Она его ко мне и привезла.) Они ушли вместе. Подавая ей клетчатое пальто, Иосиф сказал: — Все в клетку, как тюремная решетка»⁶. Крошечный эпизод из дня возвращения, а такой эффектный. Юлия Марковна могла бы рассказать историю этого дня подробно, и еще многое и многое. Но не про-

⁶ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 тт. Т. 3. М., 1997. С. 183, 297.

сто не хотела — тут был внутренний запрет, внутренняя невозможность. Она продолжала следить за его судьбой — издалека: читала его книги, читала о нем, смотрела документальные фильмы. И упоминала о Бродском с тем же великим почтением, с каким упоминала об Ахматовой.

Мы познакомились с Юлией Марковной в 1990-е годы, когда я работала в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Она хотела, чтобы музей был, при его открытии в 1989-м подарила чудесный экспонат: крылатым почерком Пастернака на коробке папирос "Казбек" по памяти записана первая строфа особенно любимого им ахматовского стихотворения 1934 г. «Привольем пахнет дикий мед...» (у Пастернака — „Раздольем...“). Юлия Марковна готова была помогать музею: советовала мне, чьи воспоминания в Москве записать на магнитофон, давала телефоны ахматовских друзей, иногда даже к кому-то приводила. Но рассказывала что-то только между прочим, не под запись и без подробностей. Вот что я записала украдкой после телефонного разговора 1997 года (при встрече ручка и бумага испугали бы Юлию Марковну):

«По телефону Ю. М. вспомнила, что была у Ахматовой в последнюю Пасху, в Ленинграде. Ахматова читала ей Евангелие.

Ю. М. была также у Ахматовой в больнице в последний Новый год.

О воспоминаниях об Ахматовой: „Это самое дорогое“. Рассказывать или писать воспоминания не хочет, т. к. это часть ее внутренней жизни. Кроме того, она считает, что слишком много воспоминаний написано. Вспоминая, пришлось бы полемизировать с кем-то, а этого делать не хочется».

Еще одна причина молчаливости: Юлия Марковна считала себя косноязычной. Но если что-то подобное и было, то того же свойства, о котором — в строках Николая Гумилева: «Высокое косноязычье Тебе даруется, поэт». Выразительное

косноязычие, при котором больше сообщается интонацией, глазами, чем речью.

Однажды Юлия Марковна приехала в день рождения Ахматовой в музей на конференцию — не с тем, чтобы выступить, а с тем, чтобы побыть в том доме, в том месте, в то время. И когда мы сидели с ней вдвоем в комнате над Шереметевским садом, она как-то особенно замечательно заговорила об Ахматовой. Даже не столько заговорила, сколько показала ее мне. В какой-то момент передо мной была не Юлия Марковна, а Анна Андреевна: в осанке, взгляде, голосе. Мне приходилось видеть, как кто-то, знавший Ахматову, ее изображает. Обычно при этом возникает резкий, немного шаржированный рисунок. Здесь не было и тени шаржа. Ахматова как бы проступила сквозь Юлию Марковну во всей своей значительности.

Степень целомудрия, с которой Юлия Марковна относилась к воспоминаниям о дарованном ей общении, видна в двух эпизодах, которые я, после некоторого сомнения, решаюсь рассказать.

В тот же приезд Юлии Марковны я, злоупотребляя ее добрым отношением ко мне, упростила попробовать записать что-то на магнитофон. Она в смятении произнесла несколько обрывков фраз и воскликнула: «Ну что я, дурочка, могу сказать!» В этот момент в седовласой семидесятилетней женщине было еще больше девического, ланьего, чем обычно: ланний испуг. На этом попытка и кончилась.

Когда я, уже не работая в музее, приехала в Москву в 2005 году, Юлии Марковне захотелось поддержать меня. Она разыскала расшифровку уникальной магнитофонной записи — разговора Ахматовой с хозяевами и их гостями за чайным столом, на квартире И. Д. Рожанского и его первой жены Н. В. Кинд; была за тем столом и Юлия Марковна, она молчала. Когда-то Юлия Марковна способствовала дарению перезаписи самой фонограммы, хранящейся у Н. И. Рожанской, в Музей Ахматовой. Теперь она дала мне листы бумаги — и предложила опубликовать. Прошло несколько дней, и Юлия Марковна вдруг сказала: «Нет, не могу. Не надо сей-

час. Напечатаете, когда я сдохну». «Сдохну» — это было не из ее лексикона, прозвучало резко и означало высокую степень смятения.

Юлия Марковна глубоко переживала, когда об Ахматовой выходили недостойные книги и статьи. Это, однако, не означало, что она ревниво относилась ко всему, что печаталось об Ахматовой. О трудах Р. Д. Тименчика, например, она отзывалась с большим уважением. Как большой подарок, помню несколько ее фраз об одной своей работе. Среди них: «Я-то думаю, что Вам Анна Андреевна помогала. Я вижу тут благословение Анны Андреевны».

По справедливым словам О. С. Фигурновой, Ника Николаевна и Юлия Марковна были рыцарями Ахматовой, хранившими ей абсолютную верность, даже после ее смерти. Это не означало отсутствия собственной жизни. В случае Юлии Марковны эта жизнь была большой и сложной. Юлия Марковна была густо окружена замечательными людьми. Включая ее семью: отца — Марка Семеновича, о котором уже шла речь; брата — Виктора Марковича Живова, известного лингвиста (лингвистом стал и сын Юлии Марковны — Федор Иванович Рожанский); мужа — Ивана Дмитриевича Рожанского, физика, выдающегося историка античной науки и философии, автора около 100 трудов, в 1970-е годы он вел важный для формирования многих ученых философский домашний семинар.

Но ничто не заслоняло для Юлии Марковны Ахматову. Они познакомились в 1950-е годы. В записных книжках, которые Ахматова вела с 1958 года, имя «Юля» встречается множество раз, и в связи с переводами для «Художественной литературы», польскими и не только, и в списках тех, кому дать рукопись впервые набранного на машинке «Реквиема», и — «с Юлей в сберкассе»⁷. Вот выразительный список «Юлиных» дел, содержащийся в одном из адресованных Ахматовой писем И. Н. Пуниной:

⁷ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). Москва—Torino, 1996. С. 405: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2259>

«Акума, здравствуй!

<...>

Сегодня утром звонила Юля и кроме приветов передала следующее: 1. Из „Юности“ гонорар еще не посылали, пошлют скоро почтой на Широкую. 2. Тувим находится на сверке, деньги за него могут быть через несколько месяцев. 3. Книга переводов — идут уже листы, деньги будут примерно через месяц. 4. Египтяне на сверке — деньги будут через несколько месяцев. 5. Райнис — уже есть сигнал, включены 9 твоих стихотворений, деньги могут быть через месяц. 6. Галчинский — подстрочники пришлют на твое усмотрение через неделю, а может быть раньше, и тогда будут ждать твоего ответа...»⁸

Одно из самых сокровенных воспоминаний Юлии Марковны⁹ — как она причесывала и обувала Анну Андреевну, когда той уже трудно было это делать: «маленькая ножка».

А вот запись из дневника Л. К. Чуковской о днях похорон Ахматовой (перелет гроба из Москвы в Ленинград): «Из друзей — не из казенных людей — с гробом полетят: Ника, Юля, Надежда Яковлевна, Мария Сергеевна [Петровых]. Поездом едут вслед мужчины: Кома [Вячеслав Всеволодович] Иванов, Рожанский, Копелев».¹⁰

Можно себе представить то чувство, с которым Юлия Марковна в 1996 году прочла в опубликованных записных книжках: «Целую Марусю, Нику, Юлю...»¹¹

Внутреннее общение Юлии Марковны с Ахматовой продолжалось всегда. Решусь привести еще одну свою дневниковую запись, от 17 марта 2009 года:

⁸ Письмо из Ленинграда в Комарово от 25/VIII 1965 года (Из семейной переписки А. А. Ахматовой / Публ., вступ. заметка и примеч. Л. А. Зыкова // Звезда. 1996. № 6).

⁹ Сообщили Фигурновы. Ольга и Марина Фигурновы общались с Юлией Марковной в последние лет десять.

¹⁰ Чуковская Л. «После конца»: Из «ахматовского» дневника / Публикация Е. Чуковской и Ж. Хавкиной // Знамя. 2003. № 1.

¹¹ Записные книжки Анны Ахматовой, с. 248.

«Сейчас я звонила Юлии Марковне в Москву. Она умирает, лежит со страшными болями (с осени, по крайней мере), отказываясь от обезболивающих („А святые как же терпели?“) и принимая только помощь тибетского доктора. Разум и дух светлы, а тело истерзано: уже не может даже повернуться в кровати, уже трубку держать больно. Она рассказала, что в марте, „на 9-ый день после 5-го марта“ (день смерти А. А.), к ней „приходила Анна Андреевна“. Среди ночи — долгий сон: Ю. М. беседует с А. А., та перечисляет, что надо сделать. Ю. М. все забыла, кроме того, что причаститься надо. И они отправляются в церковь, но причащения, кажется, не происходит. Ю. М.: „Что бы это значило?“ — Я: „Может быть, надо причаститься“. — „Я в хосписе [где лежала некоторое время] каждую неделю причащалась. Дома — как?.. И во сне не мне надо было причаститься, а А. А. — она просила меня сводить ее... А потом сон кончился, я как будто проснулась. И А. А. ко мне пришла. И очень меня поддерживала. Это было не словесно, как-то иначе“. — „В каком возрасте она была? Такая, какую Вы знали?“ — „В общем, да. Это был не сон“. — „Видение?“ — „Я не знаю, как назвать. Это бывает у меня с близкими людьми“.

„В хосписе меня навещала женщина — из паствы отца Антония Сурожского. Я спросила ее: почему меня не пускают *туда*? Она ответила: „Смотрите глубже“. Я месяц мучилась. А несколько дней назад вроде бы начало открываться. И вот включила радио, а там отец Антоний говорит, объясняет, как смотреть глубже. Я люблю такие совпадения».

Из письма ко мне Фигурновых: «В последний год жизни мы достаточно близко стояли к Юлии Марковне и видели такую победу духа над телом, такие высоты <...> Заканчивая разговор, она всегда говорила: „Я желаю Вам света, чтобы было светло“ или „Радости вам!“ Было ощущение, что она уже явственно знала, о каком свете говорит, — которого мы еще не знаем и не достигли. Еще она говорила, что она теперь так явно видит все — людей, их поступки, мотивации, едва только касаясь человека или предмета. „Это совсем не

интересно и совсем не важно”, — говорила она. Ее переполняло чувство благодарности к миру...»

Личность Юлии Марковны и ее образ сохранились до конца. Непонятно было, как это — при таких мучениях. Когда я звонила, на вопросы о своем здоровье она отвечала не более минуты, а потом просила: «Расскажите мне про Настеньку», «Расскажите про себя». Я уже знала, что будут эти слова и всегда готовила заранее какие-нибудь истории. Однажды я услышала в ее голосе легкую досаду, что она не знает, как прошла последняя ахматовская конференция и что вышло к 120-летию Ахматовой. Она уже была лишена почти всех любимых возможностей. «Юлия Марковна, почему бы Вам не попросить сиделку почитать или поставить пластинку?» — «Ну кто это будет делать? Нет, это ей затруднительно». Затруднять — не хотела. Из сохранившегося было общение с родными и друзьями, очень понемногу, насколько хватало сил. И еще она слушала приемник (главным образом, «Эхо Москвы», но также и Христианское радио, и радио «Орфей»): это могла сама. Как-то сказала: «Я слушала по радио „Вторую книгу“ Надежды Яковлевны».

Но она слушала не только это. На поминках племянник вспоминал, как однажды позвонил ей из машины. «Объезжай Садовое кольцо, — посоветовала Юлия Марковна, — там пробки» (о пробках сообщалось по «Эху Москвы»). Близкие говорили, что она до конца сохраняла не только интерес к событиям вокруг, но и чувство юмора (то, которое заставило ее когда-то сказать о себе Фигурновым: «Ваша Марковна»).

31-го марта Юлия Марковна почувствовала, что умирает, попрощалась с сиделкой. Она отходила тихо. Без сознания была только последние три часа. Умерла на руках у сына.

«Света Вам!»